

Цзян Шоуянь не смел поднять голову. Он изо всех сил таращился на недолепленного снеговика перед собой, но картинка упрямо расплывалась. «Галлюцинация?» — подумал он. В последнее время ему было совсем плохо, он балансировал на грани сна и яви.

Но почему тогда в груди так больно? Дрожащими руками он попытался продолжить лепить снежок, но, как ни старался, снег никак не желал скатываться в ровный ком. Он задрожал, чувствуя, что вот-вот сорвётся, как вдруг в поле его зрения появились чужие руки — большие и тёплые. Они мягко накрыли его собственные ладони.

— Лепишь маленького снеговика, Цзян Шоуянь?

Горечь в груди скопилась так плотно, что казалась непреодолимой горой. Слезы хлынули из глаз безо всякого предупреждения. Чэн Цзайе сидел на корточках рядом с ним. И хотя кончик его собственного носа тоже покраснел от мороза, он спросил с неизменной мягкостью:

— Почему ты плачешь?

Неподалёку, на краю улицы, стояли Ци Чжоу и Линь Хуань, наблюдая за двумя фигурами, жавшимися друг к другу на снегу. Оба были одеты в белые пуховики, почти сливаясь с бескрайним белоснежным покровом, но в этой сценке не было ни пустоты, ни одиночества.

Ци Чжоу вспомнил тот вечер, когда попросил у Линь Хуаня номер WeChat, чтобы добавиться к Чэн Цзайе в друзья. Из-за шока от такого совпадения он даже забыл написать подробное сопроводительное сообщение и отправил запрос просто с именем: «Ци Чжоу». Лишь после отправки он осознал, как глупо это выглядит, и уже собирался отправить ещё один запрос с пояснениями, как вдруг раздался короткий звук уведомления, и на экране высветилась новая аватарка.

Зерхуг: Здравствуйте. Скажите, вы друг Цзян Шоюяня?

Ци Чжоу на секунду опешил, а затем набрал ответ: Он говорил тебе обо мне?

Зерхуг: Угу.

Чэн Цзайе не стал тратить время на светские беседы и забросал Ци Чжоу вопросами, которые не мог задать самому Цзян Шоюяню. Ци Чжоу честно ответил на каждый из них. Так, обменяясь сообщениями, они общались больше десяти минут. Читая между строк, Ци Чжоу ясно видел, насколько сильно Чэн Цзайе переживает за Цзян Шоюяня. С одной стороны, это его успокаивало, но с другой — вызывало лёгкую тревогу.

Отношения никогда не бывают гладкими, они всегда крепнут лишь через ссоры и притирку друг к другу. В своё время они с Линь Хуанем расходились и сходились бессчётное количество раз, прежде чем шаг за шагом пришли к тому, что имеют сейчас. Сказать по правде, каждое такое расставание причиняло адскую боль. Он всем сердцем желал Цзян Шоюяню счастья, но не хотел, чтобы тот снова страдал.

Цзян Шоюянь с самого детства был очень тихим. Настолько тихим, что люди попросту не замечали, какую боль он прячет внутри. Ци Чжоу не верил, что друг сможет перенести ещё один удар судьбы. Поэтому, глядя на присланную фразу: «Могу ли я приехать к нему?», он долго собирал силы, чтобы ответить.

Ци Чжоу думал, что, возможно, лучше оставить всё как есть — пусть эта любовь останется для Цзян Шоюяня маяком, спасительной соломинкой, заставляющей жить дальше. А тем временем они постепенно будут пытаться улучшить его состояние: водить к врачам, уговаривать пить таблетки, и уже потом, когда Цзян Шоюяню станет лучше, позволят им встретиться.

Ци Чжоу: Его состояние сейчас оставляет желать лучшего.

Zephyr: Я знаю, знаю. Я консультировался с психотерапевтами и достаточно глубоко изучил этот вопрос.

Zephyr: Последние несколько месяцев я участвую в программе семейной психотерапии. Тревожность, депрессия, ОКР, биполярное расстройство, шизофрения... Я тщательно всё изучил: как вмешиваться и оказывать поддержку на уровне семьи, как помочь заново выстроить связи с обществом.

С каждым новым сообщением от Чэн Цзайе Ци Чжоу впадал во всё больший ступор, пока длинные белые прямоугольники сообщений собеседника не вытеснили вверх его собственный короткий зеленый. Наконец он понял, что должен хоть что-то ответить. Пальцы быстро набрали в строке ввода: «Ты уверен, что сможешь принять больного...», как вдруг он замер: его взгляд снова скользнул по множеству сообщений, отправленных Чэн Цзайе. Ответ на этот вопрос был слишком очевиден. Спрашивать об этом не имело никакого смысла. Ци Чжоу зажал кнопку удаления текста, и в этот момент на экране высветилось еще одно сообщение.

Zephyr: На самом деле, наша встреча в Лиссабоне не была первой.

Zephyr: Впервые я увидел его семь лет назад. Ты же наверняка знаешь, что в студенческие годы Цзян Шоуянь приезжал в Лиссабон на стажировку. Именно тогда я увидел его в первый раз.

Zephyr: Но тогда он был слишком занят. Прежде чем я успел найти повод заговорить с ним, он вернулся на родину.

Zephyr: С тех пор я каждое лето приезжал в Лиссабон и жил там по несколько месяцев. Без какой-либо особой причины. Просто верил, что мы обязательно встретимся снова.

Любовь — удивительная штука. Одни блуждают по кругу, теряя годы впустую, а другим достаточно одного взгляда, чтобы пронести это чувство через всю жизнь, впечатав его в самое сердце. На этот раз Ци Чжоу окончательно лишился дара речи. Он отложил телефон в сторону и ещё очень долго пытался прийти в себя.

Вся шумная суета осталась там, на заснеженной площадке, а на узкой дорожке не было ни души. Линь Хуань взял руку Ци Чжоу, крепко сжал её и спрятал в карман своего пуховика. Ци Чжоу прямо через перчатку игриво потёрся пальцем о его ладонь.

— Пойдём к ним? — спросил Линь Хуань.

Ци Чжоу смотрел, как Чэн Цзайе крепко обнимает Цзян Шоуяня, ласково и успокаивающе поглаживая его по спине.

— Пожалуй, не стоит.

— Значит, сегодня едем к родителям? — уточнил Линь Хуань.

— Угу, — кивнул Ци Чжоу. После этого они развернулись и зашагали в сторону, противоположную гостинице.

В люксе на первом этаже, который снял Ци Чжоу, было две спальни. Одну занимал Цзян Шоуянь, а вторую — они с Линь Хуанем. И у каждой комнаты был выход в собственный маленький зимний сад.

Самый красивый месяц на северо-востоке — октябрь. Это тот самый последний миг ослепительной яркости перед тем, как всё живое укутается в серебристо-белый наряд. Деревья и горы вдалеке постепенно окрашиваются в разные цвета, и стоит подуть ветру, как в лицо сразу же бросается дыхание осени. А сейчас, под покровом ночи, снежный пейзаж казался ещё более пустынным и одиноким.

Цзян Шоуянь не помнил, когда именно уснул. Когда он проснулся, на улице уже стемнело. Глаза так опухли от слёз, что он едва мог их открыть. Подняв руку и прикрыв лицо предплечьем, он немного полежал, приходя в себя, пока мозг медленно пытался восстановить события, предшествовавшие сну.

Засыпать в слезах было для него не в новинку, но в этот раз воспоминания возвращались с необычайным трудом. Или, вернее сказать, он всё вспомнил, но просто не смел поверить в реальность произошедшего. Цзян Шоуянь опустил руку, приподнялся на постели и огляделся. Комната, утопающая в полумраке, казалась совершенно пустой. Кроме него, здесь никого не было.

Силы покинули его. В каком-то оцепенении он откинулся на изголовье кровати и, массируя пульсирующие виски, подумал: «Сон? Неужели это снова был всего лишь сон?» Ему казалось,

что болезнь зашла слишком далеко: он уже начинал терять грань между сновидениями и реальностью.

Цзян Шоуянь долго сидел в темноте, уставившись в пустоту, пока с запозданием не осознал, что свет во внутреннем дворике сегодня горит как-то слишком ярко. Откинув одеяло, он встал и подошел к раздвижной стеклянной двери. Но стоило ему одернуть штору, и он застыл как вкопанный. Тот самый человек из его сна — человек, который обнимал его, целовал и тихо уговаривал не плакать, — прямо сейчас сидел на корточках во дворике за стеклом, низко склонив голову. Судя по всему, он провел там немало времени: в углу дворика уже выросла целая поляна роз, вылепленных из снега.

Дрожащими руками Цзян Шоуянь отодвинул стеклянную дверь, и в комнату тут же хлынул поток ледяного воздуха. Услышав шум, Чэн Цзайе с улыбкой обернулся, но, не успев произнести ни слова, тут же нахмурился.

— Почему ты вышел без куртки?

Он поднялся на ноги, отряхнул снег с рук, в несколько шагов оказался рядом с Цзян Шоуянем, затащил его обратно в комнату и плотно закрыл за ним стеклянную дверь.

Промокшие от снега перчатки Чэн Цзайе обожгли холодом, слегка приводя Цзян Шоуяня в чувство. Он заторможенно наблюдал, как стоящий перед ним человек снял верхнюю одежду и стянул влажные перчатки, а затем снова подошёл вплотную и заключил его в объятия.

— Ну что, проснулся, Цзян Шоуянь?

В глазах Цзян Шоуяня защипало, и по щекам снова бесконтрольно полились слёзы.

<http://bllate.org/book/14908/1607903>